

София Вул

ПОСЛЕДНЯЯ
ночь
НА ДВОИХ

София Вул

Последняя ночь на двоих

<https://litres.ru/74671317>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спустя пять лет после расставания Анна и Андрей встречаются в купе ночного поезда. Она навсегда уезжает из страны, а он приехал проститься. Впереди долгая ночь откровений, воспоминаний и невысказанных признаний. Смогут ли они отпустить прошлое, простить друг друга и признать, что настоящая любовь не всегда означает быть вместе? Иногда последнее прощание — это первый шаг к новой жизни.

София Вул

Последняя ночь на двоих ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ НА ДВОИХ

Глава первая. Билет в один конец

Поезд отправлялся в 22:47.

Андрей пришёл на вокзал за сорок минут до отправления, хотя прекрасно знал, что Анна никогда не опаздывает. Даже в тот день, когда они впервые собирались вместе на море и он проспал половину утра, она ждала его у подъезда ровно в назначенное время. С двумя сумками, в светлом платье и с таким выражением лица, словно опоздание мужчины, которого любишь, — это не повод для ссоры, а просто одна из особенностей его характера.

Тогда ему казалось, что она будет ждать его всегда.

Теперь он стоял на перроне с бумажным стаканчиком остывающего кофе и смотрел на табло.

22:47. Поезд № 017. Отправление по расписанию.

— Ты рано.

Анна стояла позади него.

Он обернулся.

Она подстригла волосы. Совсем немного, до плеч, но этого оказалось достаточно, чтобы его на секунду охватило странное чувство: он не узнал бы её издалека. Или узнал бы, но не сразу. Или узнал бы мгновенно, как узнавал всегда, да-

же в толпе, даже со спины, даже после долгих месяцев молчания.

На ней было тёмное пальто, под которым виднелся серый свитер. Никакого макияжа. В одной руке она держала сумку, а через плечо была перекинута небольшая дорожная сумка.

— Ты тоже, — ответил он.

— Я боялась опоздать.

— Ты никогда не опаздываешь.

— Значит, сегодня могла бы стать исключением.

Он хотел улыбнуться, но не получилось.

Пять лет назад они расстались на кухне её съёмной квартиры. Анна тогда плакала, а он стоял у окна и убеждал себя: если сейчас уступить, если сказать нужные слова, всё повторится — они помирятся, проведут вместе выходные, а через месяц снова вернутся к одному и тому же разговору о будущем.

Он решил, что должен быть твёрдым.

Она решила, что больше не будет просить.

В тот вечер Андрей ушёл, хлопнув дверью. На следующий день он хотел позвонить, но не позвонил. Через неделю узнал, что Анна уехала в другой город. Через год увидел её фотографию в социальных сетях. Ещё через два — случайно встретил в книжном магазине, где они обменялись несколькими вежливыми фразами.

И вот теперь она уезжала из страны.

Навсегда.

— Багаж где? — спросил он.

— Со мной. Всё собрала.

— Помочь?

— Андрей, я сама донесу.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он опустил глаза и усмехнулся.

— Прости. Профессиональная привычка.

— Какая ещё профессиональная привычка?

— Делать вид, что я могу быть полезен.

Анна посмотрела на него внимательно. В её глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку, но тут же исчезло.

— Ты всегда был полезен, Андрей. Просто не всегда в том, что действительно имело значение.

Он хотел ответить, но по перрону прокатился гудок. Поезд медленно подошёл к платформе, тяжёлый, тёмный, с жёлтыми прямоугольниками окон. Где-то за их спинами прощались люди, плакали дети, хлопали двери машин.

Жизнь продолжалась — даже в такие вечера.

— Пойдём, — сказала Анна.

Он взял её сумку.

И она позволила.

Купе оказалось небольшим и неожиданно уютным. Две нижние полки, две верхние, столик у окна, узкие шкафчики, зеркало, в котором отражались их лица. На столе лежали две

бутылки воды и пластиковый стаканчик с салфетками.

Анна села у окна. Андрей устроился напротив.

Он снял куртку, повесил её на крючок и некоторое время не знал, куда деть руки. Положил их на колени. Потом убрал в карманы. Потом достал телефон, посмотрел на экран и снова спрятал.

Анна наблюдала за ним.

— Ты нервничаешь?

— Нет.

— Ты всегда так делаешь, когда нервничаешь.

— Как?

— Прячешь руки.

Он посмотрел на свои ладони, словно видел их впервые.

— А ты всегда задаёшь вопросы, на которые уже знаешь ответы.

— Не всегда.

— Например?

Она задумалась.

— Например, я не знаю, почему ты приехал.

Андрей медленно поднял глаза.

За окном проплывал перрон. Фонари, мокрые рельсы, человек в оранжевом жилете, чей-то забытый пакет на скамейке. Всё это двигалось назад, хотя они ещё почти не тронулись с места.

— Ты же сама попросила меня приехать, — сказал он.

— Я попросила проводить меня. Это не одно и то же.

— А в чём разница?

— Не знаю. Наверное, в том, что проводить можно человека, которого больше не любишь.

Он замолчал.

Анна отвернулась к окну.

Поезд дёрнулся. За стеной что-то лязгнуло, и вагон медленно пополз вперёд. Сначала едва заметно, потом быстрее. Перрон начал исчезать, превращаясь в длинную светящуюся полосу.

Анна смотрела на него до последнего фонаря.

Андрей смотрел на Анну.

— Ты когда-нибудь думала, — произнёс он наконец, — что мы могли бы встретиться в другом месте?

— Мы и так встретились в другом месте. В другой жизни.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он потянулся к бутылке воды, открутил крышку, но пить не стал.

— Я имею в виду, если бы мы познакомились сейчас. Сегодня. Если бы я не знал тебя, а ты не знала меня. Как думаешь, мы бы понравились друг другу?

Анна долго молчала.

— Нет, — сказала она наконец.

Он едва заметно кивнул, словно ожидал именно этого.

— Почему?

— Потому что я теперь знаю, чего хочу от мужчины.

— И чего же?

— Чтобы он не спрашивал меня через семь лет отношений, готова ли я подождать ещё немного.

Андрей опустил бутылку на стол.

В купе стало тихо. Только колёса отбивали свой мерный ритм, и где-то в соседнем вагоне негромко разговаривали люди.

— Я заслужил, — сказал он.

Анна повернулась к нему.

— Что?

— Этот ответ. Ты имеешь право так говорить.

— Я не приехала сюда, чтобы обвинять тебя.

— А зачем приехала?

Она посмотрела на него так, словно ответ был очевиден, но произнести его вслух означало сделать что-то необратимое.

— Потому что мне хотелось увидеть тебя ещё раз.

Андрей почувствовал, как внутри что-то болезненно сжалось.

Вот оно. То, ради чего он приехал. Не надежда на возвращение, не желание всё исправить, не тайная уверенность, что она передумает. Всего лишь несколько простых слов, которых он ждал пять лет.

Ему хотелось спросить, любит ли она его ещё.

Хотелось сказать, что он тоже хотел её увидеть. Что последние две недели думал о ней каждый день, а в ночь перед

отъездом почти не спал. Что однажды, в прошлом году, он набрал её номер и прослушал длинные гудки, прежде чем отключиться.

Но все эти слова казались слишком маленькими для того, что он чувствовал.

— Я рад, что приехал, — сказал он.

Анна улыбнулась. На этот раз по-настоящему, хотя улыбка вышла печальной.

— Знаешь, чего я боялась больше всего?

— Чего?

— Что увижу тебя и ничего не почувствую.

Он не ответил.

— А теперь? — спросил он после долгой паузы.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Теперь я боюсь, что почувствую слишком много.

Андрей медленно выдохнул.

За окном тянулись тёмные поля. Вдалеке мерцали огни небольших станций, похожие на окна домов, в которых кто-то ещё не лёг спать. В одном из этих домов женщина, возможно, ждала мужа. В другом кто-то укладывал ребёнка. В третьем двое людей ругались из-за пустяка, не подозревая, что когда-нибудь будут вспоминать этот вечер как время, когда всё ещё можно было исправить.

А в их купе было всего две полки, один столик и целая жизнь, о которой они ещё не успели поговорить.

— До моей станции девять часов, — сказала Анна.

— Я знаю.

— Ты можешь лечь спать.

— Не хочу.

— Почему?

Он посмотрел на неё.

— Потому что потом останется меньше времени.

Анна медленно кивнула.

Она достала из сумки маленький пакетик, вынула два пакетика чая и положила на стол.

— Тогда давай пить чай, — предложила она. — Как раньше.

И Андрей понял: именно это будет самым трудным.

Не прощание на перроне. Не последний взгляд. Не осознание, что завтра он проснётся в пустой квартире, а она окажется далеко, за границей, за пределами его жизни.

Самым трудным будет провести с ней эту ночь и снова почувствовать себя человеком, который мог быть счастливым.

А потом отпустить её.

Он взял пакетик чая.

— Как раньше, — согласился он.

И впервые за весь вечер они оба улыбнулись.

Глава вторая. Чай на двоих

Вода в титане за стеной зашумела так, словно кто-то собирался заварить на ночь целое ведро чая.

— Я схожу, — сказал Андрей.

— Сядь. Я сама.

— Анна, там кипятилок и коридор, полный людей. Позволь мне хотя бы один раз сделать что-нибудь полезное.

Она приподняла бровь.

— Ты сейчас специально это сказал?

— Что именно?

— «Хотя бы один раз».

Он замер, уже поднявшись с места.

— Нет. Просто неудачно выразился.

— Ты всегда так говорил. Сначала что-нибудь неудачно выражал, потом объяснял, что я неправильно поняла.

— А ты всегда слышала в моих словах то, чего я не говорил.

— Иногда потому, что ты не говорил того, что должен был.

Они посмотрели друг на друга. Старый спор возник между ними так быстро, будто все эти пять лет не существовали, будто они только вчера вернулись с очередной вечеринки, где Анна весь вечер ждала, что Андрей назовёт её своей будущей женой, а он представил её друзьям просто по имени.

Андрей медленно сел обратно.

— Ладно. Схожу, когда вода закипит.

Анна достала из сумки две кружки. Не одноразовые, не вагонные пластиковые стаканы, а небольшие керамические кружки с тонкими синими полосками по краю. Андрей узнал их сразу.

— Ты всё ещё хранишь их?

— Что?

— Эти кружки.

Анна взглянула на них, будто только сейчас вспомнила, откуда они взялись.

— Они удобные.

— Ты купила их в одной из наших поездок. В Псков.

— В Новгород, — поправила она.

— Точно. В Новгород.

— Мы ездили в Псков через два года.

— Я помню.

— Нет, не помнишь. Ты тогда потерял ключи от гостиницы, а потом пытался открыть наш номер ключом от машины.

Андрей рассмеялся. Впервые за вечер — легко, почти без усилия.

— А ты сказала администратору, что я твой младший брат и за мной нужно присматривать.

— Ты вёл себя как младший брат.

— Мне было двадцать девять.

— Вот именно. Взрослый мужчина, который не может отличить ключ от машины от ключа от номера.

Анна тоже засмеялась. Смех вышел тихим, немного удивлённым. Словно она не ожидала, что ещё умеет смеяться рядом с ним.

И это оказалось хуже любой обиды.

Потому что на несколько секунд Андрей увидел перед со-

бой прежнюю Анну. Ту, которая могла смеяться до слёз над его нелепыми историями, засыпала у него на плече в электричке и никогда не притворялась сильнее, чем была. Ту, которую он любил так естественно, что со временем перестал замечать саму любовь — как не замечают свет в комнате, пока не погаснет лампа.

— Помнишь, как мы заблудились? — спросил он.

— Ты заблудился. Я просто шла за тобой.

— Это одно и то же.

— Нет. Ты уверял, что знаешь короткую дорогу к реке.

— Я видел карту.

— Ты посмотрел на карту вверх ногами.

— Там был неудобный сгиб.

— Мы два часа ходили вокруг одного и того же монастыря.

— Зато нашли прекрасное кафе.

— Потому что я спросила дорогу у женщины с собакой.

— И всё равно это было хорошее путешествие.

Анна перестала улыбаться, но тепло в её лице ещё оставалось.

— Да. Хорошее.

В этом коротком слове было больше, чем в длинном признании. Она не собиралась обесценивать прошлое. Не хотела превращать семь лет жизни в ошибку только потому, что они не сумели сохранить отношения. И Андрей, кажется, впервые понял это.

Он встал и вышел за кипятком.

Когда вернулся, Анна уже положила на стол два пакетика чая и маленький бумажный свёрток.

— Что это? — спросил он.

— Печенье.

— Ты купила печенье в дорогу?

— Я купила печенье к чаю. Это разные вещи.

— Ты всё ещё споришь о формулировках.

— А ты всё ещё задаёшь вопросы, на которые сам знаешь ответы.

Он поставил чайник на стол. Их пальцы встретились, когда оба потянулись за кружкой. Касание было коротким, почти случайным, но Анна сразу убрала руку.

Андрей сделал вид, что не заметил.

Они заварили чай. В купе постепенно распространился знакомый запах чёрного чая с бергамотом — именно такой Анна пила много лет назад, когда они могли провести воскресное утро в постели, слушая дождь и обсуждая, что приготовить на обед. Андрей тогда считал, что счастье — это что-то большое, заметное, что однажды наступит и изменит всё. Он не понимал, что оно уже лежит рядом, укрывшись одеялом до подбородка и ворча, что он слишком громко открывает окно.

— Ты всё ещё пьёшь с бергамотом, — сказал он.

— А ты всё ещё замечаешь мелочи, когда уже поздно что-то менять.

Он не стал спорить.

За окном показались огни небольшого городка. Поезд замедлился, закрипел на повороте и остановился. На платформе стояли несколько человек, у киоска горела белая лампа. Женщина в пуховике держала за руку мальчика, который сонно тёр глаза. Мужчина с огромным рюкзаком торопливо шёл вдоль вагонов, пытаясь найти нужную дверь.

Анна смотрела на них, обхватив кружку обеими руками.

— Я ведь правда думала, что мы поженимся, — сказала она.

Андрей не сразу понял, что это не продолжение шутки.

— Я тоже.

— Нет, — спокойно ответила она. — Ты думал, что когда-нибудь мы, возможно, поженимся. А я думала, что мы поженимся. Чувствуешь разницу?

Он посмотрел на чай. На поверхности плавал крошечный листок.

— Чувствую.

— Я помню тот вечер, когда ты впервые сказал, что не готов.

Андрей закрыл глаза на секунду.

— У нас был разговор о деньгах.

— У нас был разговор о будущем. О деньгах ты заговорил сам.

— Я боялся, что не смогу обеспечить нас так, как хотел.

— Я не просила тебя обеспечить меня.

— Я знаю.

— Нет, Андрей. Ты не знаешь. Я просила тебя выбрать меня. Не после повышения, не после новой квартиры, не когда ты наконец почувствуешь себя достаточно успешным. Просто выбрать.

Он молчал, и она продолжила — не повышая голоса, словно рассказывала давно известную историю, которую наконец научилась произносить без слёз.

— Я могла бы жить с тобой в маленькой квартире. Могла бы ездить с тобой на старой машине. Могла бы ждать, пока ты найдёшь работу получше или решишь, чем хочешь заниматься. Я не боялась трудностей. Я боялась, что однажды проснусь в сорок лет и пойму, что всё это время ждала человека, который так и не решил, нужна ли я ему настолько, чтобы связать со мной жизнь.

— Ты была нужна мне, — сказал Андрей.

— Я знаю.

— Правда знаешь?

— Теперь знаю. Но тогда мне нужно было не знать. Мне нужно было это чувствовать.

Он хотел возразить, рассказать, как много работал, как боялся повторить судьбу своих родителей, как его отец однажды ушёл из семьи, оставив матери долги и двоих детей. Андрей вырос с убеждением, что любовь не спасает от бедности, что обещания легко давать и трудно выполнять, что мужчина должен сначала построить крепкий дом, а уже по-

том приглашать в него женщину.

Он никогда не рассказывал Анне об этом по-настоящему. Отшучивался, когда она спрашивала, почему он так боится брака. Говорил, что штамп в паспорте ничего не меняет. Что они и так вместе. Что разве кольцо сделает их счастливее?

Теперь эти фразы звучали в его памяти чужими и жалкими.

— Я думал, что если подожду, пока всё будет готово, то смогу дать тебе хорошую жизнь, — произнёс он. — Я не хотел, чтобы ты пожалела о выборе.

— А я пожалела, что ты так и не позволил мне его сделать. Андрей поднял на неё глаза.

В этом и заключалась их главная беда. Он всё время пытался защитить её от возможного разочарования, не понимая, что сам становился причиной её боли. Он хотел быть уверенным, прежде чем обещать. Она хотела идти рядом, даже если дорога неизвестна.

Оба называли это любовью.

И оба были по-своему правы.

— Почему ты не сказала мне всё это тогда? — спросил он.

Анна посмотрела на него почти с нежностью.

— Я говорила. Много раз. Просто ты слышал только то, что мог исправить. Купить, построить, заработать. А я просила о том, чего нельзя было измерить.

Он медленно кивнул.

Поезд снова тронулся. Женщина с мальчиком осталась на

платформе, мужчина с рюкзаком успел запрыгнуть в соседний вагон. Свет киоска исчез за поворотом.

Анна отпила чай и поморщилась.

— Остыл, — сказала она.

— Я могу налить горячего.

— Не надо. Я допью.

Она произнесла это так просто, что Андрей вдруг подумал: может быть, именно так и заканчиваются отношения. Не одним громким скандалом, не изменой, не последним ударом, после которого невозможно остаться. Иногда они заканчиваются сотней маленьких моментов, когда один предлагает налить горячего, а другой говорит, что допьёт остывшее. Когда можно было попросить, но уже не хочется. Когда забота остаётся, а потребность в ней исчезает.

Он посмотрел на её кружку.

— Я скучал по этому, — признался он.

— По чаю?

— По тому, как мы разговаривали.

Анна не ответила сразу. Она провела пальцем по синей полоске на краю кружки.

— Я тоже, — сказала она. — Но мы ведь не только разговаривали. Мы ещё и молчали. Очень много молчали.

— Я не знал, как сказать тебе, что мне страшно.

— А я не знала, как попросить тебя остаться, не унижая себя.

Он почувствовал, как эти слова вошли в него глубже

прежних упрёков.

— Ты никогда не унижала себя.

— Мне казалось, что унижаю. Каждый раз, когда снова начинала этот разговор. Каждый раз, когда спрашивала, когда мы наконец поженимся. Я слышала собственный голос и думала: почему я должна выпрашивать то, что человек сам должен хотеть?

Андрей опустил голову.

— Прости.

Анна долго смотрела на него.

— Я давно тебя простила.

Он поднял глаза, и на мгновение в его лице появилась надежда.

Но она продолжила:

— Только это не значит, что я хочу вернуться.

Надежда исчезла так же быстро, как появилась.

— Я понимаю.

— Не уверена.

Он хотел сказать, что понимает. Что не приехал просить её остаться. Что не собирается портить ей последний вечер. Но он не был уверен, что всё это правда. Где-то глубоко внутри ещё жила нелепая мысль: если они смогут поговорить всю ночь, если он наконец скажет всё правильно, если она увидит, что он изменился, — возможно, поезд остановится, время повернётся вспять, а Анна утром сойдёт на своей станции и вернётся домой.

Он не произнёс этого вслух.

Анна поставила пустую кружку на стол.

— Помнишь, как мы в первый раз пили чай у тебя дома?

— спросила она.

— Конечно.

— У тебя не было заварника.

— У меня почти ничего не было.

— Ты заварил чай в кастрюле.

— Это был единственный чистый сосуд.

— А потом ты налил его в две разные чашки. В одной была надпись «Лучшая мама», а в другой — трещина на ручке.

— Зато ты осталась до утра.

— Потому что был ноябрь, шёл дождь, а такси не приезжало.

— Конечно.

Он улыбнулся.

Она тоже.

И некоторое время они вспоминали тот вечер: как Андрей пытался приготовить пасту и пересолил воду, как Анна смеялась над его старой футболкой, как они спорили о музыке, а потом до рассвета сидели на полу возле открытого окна, потому что в комнате было слишком жарко.

Воспоминание было таким живым, что им почти удалось поверить: всё это случилось не двенадцать лет назад, а вчера.

Но чай закончился. За окном снова потянулись тёмные поля. На часах было 01:36.

Анна собрала пустые пакетики и обёртку от печенья, сложила всё в маленький бумажный пакет.

— Ты всегда убираешь за всеми, — заметил Андрей.

— Кто-то же должен.

— Я мог бы помочь.

— Мог бы.

Она протянула ему пакет. Он взял его и положил в сумку у двери.

Когда он вернулся, Анна уже устроилась у окна, подтянув ноги на полку. Она выглядела усталой, но не сонной. В стекле отражалось её лицо — бледное, задумчивое, почти незнакомое.

— Андрей?

— Да?

— Ты когда-нибудь жалел, что мы не поженились?

Он сел напротив.

Вопрос был простым. Ответ должен был быть таким же.

— Каждый раз, когда со мной случалось что-то хорошее и я понимал, что не могу рассказать тебе об этом первым.

Анна опустила взгляд.

— А я жалела, когда случалось что-то плохое и мне некого было попросить приехать.

Он почувствовал, как у него перехватило дыхание.

Они не говорили о других мужчинах и женщинах. Не потому, что не было чего рассказывать, а потому, что сейчас это казалось неважным. Между ними существовала более

глубокая потеря: не семь лет, которые они прожили вместе, а все последующие годы, в которых они продолжали нуждаться друг в друге, но учились обходиться без этого.

— Я бы приехал, — сказал Андрей.

— Я знаю.

— Даже если бы ты позвонила ночью.

— Знаю.

— Даже если бы мы не разговаривали год.

— Андрей...

— Я бы приехал.

Она закрыла глаза. Когда снова открыла, они блестели от слёз.

— Вот видишь, — прошептала она. — Ты всё ещё умеешь говорить то, что мне нужно услышать.

Он хотел протянуть руку, но не решился.

— Просто раньше я слишком долго думал.

— А теперь уже не нужно думать.

За окном пронеслась одинокая станция. На мгновение в купе стало светло, потом снова потемнело.

Анна вытерла щёку и отвернулась к окну.

Андрей остался сидеть напротив, не двигаясь. Между ними стояли две пустые кружки, и на столике ещё пахло бергамотом.

Это был их первый общий чай за пять лет.

И, возможно, последний.

Глава третья. Квартира, которой не случилось

К двум часам ночи поезд вошёл в длинный тоннель.

Сначала за окном исчезли поля, потом редкие огни, потом даже собственные отражения в стекле стали чётче окружающего мира. Купе превратилось в отдельное пространство, отрезанное от всего, что было снаружи. Казалось, они могли говорить здесь бесконечно, и никто никогда не узнает, что именно они сказали друг другу.

Анна подтянула к плечам край свитера.

— У тебя холодно?

— Нет.

— Ты замёрзла.

— Андрей, мне тридцать девять лет. Я умею определять, когда мне холодно.

— А я умею замечать, когда ты врёшь.

Она повернулась к нему.

— Ты замечал. Просто не всегда спрашивал.

Он хотел ответить, но поезд вынырнул из тоннеля. В стекле снова появились отражения: два лица, две кружки, узкий столик, свет лампы, от которого кожа казалась бледнее, а усталость — заметнее.

— Давай поговорим о квартире, — сказала Анна.

Андрей нахмурился.

— О какой?

— О той, которую мы так и не купили.

Он медленно откинулся на спинку сиденья. Конечно. Ра-

но или поздно они должны были к этому прийти. Он надеялся, что разговор о прошлом ограничится забавными историями, старым чаем и несколькими признаниями, которые можно будет унести с собой, словно фотографии из дома, в котором больше не живёшь. Но Анна не собиралась оставаться на поверхности.

— Я думал, мы уже всё обсудили, — сказал он.

— Мы обсуждали, почему не поженились. Но не говорили о квартире.

— Это одно и то же.

— Для тебя — возможно.

Она наклонилась к сумке, достала бутылку воды и сделала несколько глотков. Потом поставила её на стол, аккуратно повернув этикеткой к стене. Андрей помнил эту привычку. Анна никогда не любила беспорядок на столе, даже если беспорядок состоял из одной бутылки.

— Ты помнишь ту квартиру на улице Чехова? — спросила она.

— С балконом во двор?

— Да. На пятом этаже. Маленькая кухня, паркет, который скрипел возле двери. Окна на восток.

— Помню.

— Я тогда сказала, что готова внести свои накопления.

— Ты сказала, что у тебя есть деньги на первоначальный взнос.

— Потому что они у меня были.

— Анна, я не хотел брать у тебя деньги.

— Я знаю. Ты хотел, чтобы всё было по-твоему.

Он сжал пальцы.

— Это несправедливо.

— Возможно. Но давай попробуем вспомнить, как всё было. Не так, как тебе удобнее, и не так, как мне больнее. Просто как было.

Она говорила спокойно. Именно это спокойствие раздражало его сильнее, чем если бы она кричала. На крик можно было ответить криком, на обвинение — защитой. Но перед её ровным голосом все привычные оправдания казались неуместными.

— Я хотел сначала рассчитаться с кредитом, — сказал он.

— Потом получить повышение. Мы бы накопили больше, смогли бы купить что-то получше. Я не хотел, чтобы мы начинали семейную жизнь с постоянной экономии.

— А я хотела начать её с тобой.

— Ты говоришь так, будто деньги вообще не имеют значения.

— Они имеют значение. Но не большее, чем человек, с которым ты собираешься жить.

Андрей посмотрел в окно. Тоннель давно остался позади, но за стеклом всё равно было почти темно. Иногда мелькали фонари, на секунду выхватывая из ночи деревья, заборы, крыши маленьких домов.

— Я боялся, — сказал он наконец.

Анна не перебила.

— Мой отец тоже хотел сначала всё наладить. Говорил матери, что вот ещё немного, ещё один год, ещё одна работа — и тогда они заживут нормально. А потом он ушёл. Я был подростком, но хорошо помню, как мать сидела на кухне и считала деньги. Она не плакала при нас. Просто считала снова и снова, словно если пересчитать их правильно, отец вернётся.

Он замолчал. За все годы отношений он рассказывал Анне о своём детстве отдельными фразами, почти случайно. Никогда — так, чтобы она могла увидеть, откуда взялся его страх.

— Я поклялся, что не стану таким, — продолжил он. — Что не приведу женщину в жизнь, где ей придётся бояться завтрашнего дня. Я хотел быть уверенным, что смогу всё удержать. Дом, деньги, работу. Нас.

— И пока ты пытался всё удержать, ты не заметил, что теряешь меня.

Он кивнул.

— Да.

Это короткое признание повисло в купе. Анна опустила глаза, словно не ожидала, что он скажет это без спора.

— Я не знала про твою мать, — тихо произнесла она.

— Я не рассказывал.

— Почему?

Андрей пожал плечами.

— Не хотел, чтобы ты думала, будто со мной что-то не так.

— Я никогда так не думала.

— Я знаю это сейчас.

Она посмотрела на него, и в её лице промелькнула прежняя мягкость. Ей хотелось коснуться его руки, сказать, что всё могло быть иначе, если бы он доверился ей тогда. Но она понимала: даже сейчас, когда они наконец говорили честно, нельзя было переписать прожитые годы. Сочувствие не отменяло последствий. Понимание не возвращало потерянного времени.

— Я ведь не просила тебя быть моим отцом, Андрей, — сказала она. — И не просила спасти меня от жизни. Я хотела быть твоей семьёй. Не человеком, ради которого ты когда-нибудь всё устроишь, а тем, с кем ты будешь устраивать всё вместе.

Он провёл ладонью по лицу.

— Я понимаю.

— Теперь.

— Да. Теперь.

Анна отвернулась к окну. На стекле отражалась её рука, лежащая на колене. На безымянном пальце не было кольца, и всё же Андрей посмотрел именно туда.

Когда-то он купил кольцо. Не обручальное — он тогда ещё убеждал себя, что рано, — а тонкое золотое, с маленьким камнем. Хотел подарить на её день рождения, но в последний момент передумал. Ему показалось, что подарок будет

выглядеть как обещание, которого он не готов дать. Он вернул кольцо в магазин и купил вместо него дорогой фотоаппарат, потому что Анна говорила, что хочет научиться фотографировать.

Она была рада фотоаппарату. Поцеловала его, обняла, весь вечер снимала город из окна. Он так и не сказал ей, что мог подарить кольцо.

— Я ведь тоже была не права, — вдруг произнесла Анна. Андрей поднял голову.

— В чём?

— Я всё время ждала, что ты догадаешься. Что сам поймёшь, как мне больно. Я думала, если объяснять ещё раз, это будет похоже на просьбу. А я не хотела просить. Мне казалось, что если ты любишь, то должен сам знать.

— Ты говорила достаточно ясно.

— Иногда. А иногда я замолкала на несколько дней, чтобы ты заметил. Отказывалась от встреч, отвечала коротко, говорила, что всё нормально. Я хотела, чтобы ты испугался меня потерять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.